

колы свой *Микульник*, свой сын»; «Малэньке свято уперод: *Ушосник* – Ушесте, *Микульник* – Микола». Ср. в белорусском заговоре обращение к персонифицированным праздникам: «Святэй Дух и Святая Тройца и Святэй Трайчонок».

Такое сочетание разнонаправленных тенденций в формировании лексикона народного календаря «расшатывает» статус его единиц, не позволяет однозначно отнести хрононимы к апеллятивному или ономастическому фонду и вынуждает квалифицировать их как некую промежуточную лексическую категорию, характеризующуюся двойственной апеллятивно-ономастической природой (по одним признакам апеллятивы, по другим – онимы).

М.Э. Рут

АНТРОПОНИМЫ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О СЕМАНТИКЕ

Несмотря на непрекращающиеся споры о лексическом значении собственных имен, мнений остается столько же, сколько спорщиков. Вопрос осложняется тем, что само понятие «семантика онома» не однозначно: в него закладывается смысл не только лексического значения, но и, с одной стороны, гораздо более узкий, предполагающий только исходное мотивационное значение¹, а с другой – гораздо более широкий, включающий всю информацию, которую можно извлечь из имени². Плодотворность исследований в указанных направлениях отводит вопрос о лексическом значении имени собственного на второй план, однако не снимает его и не исключает все новых попыток его разрешения.

Представляется, что одна из причин «нерешения» данного вопроса – в стремлении решить его для всех онома сразу. Между тем существование единой модели онома, очевидно, следует признать мифом. Выделение ономастики как самостоятельной науки, имеющей свой собственный предмет, имело огромное значение для развития интереса к именам собственным как особым лингвокультурным феноменам и принесло свои плоды, однако сейчас нельзя не признать, что цельной науки все же не получается, и трудно назвать хоть одну сколько-нибудь значимую работу (не считая популяризаторских публикаций В.А. Никонова или чисто внешне систематизирующих обзоров А.В. Суперанской и Н.В. Подольской), в которой бы ономастика результативно рассматривалась в целом. Вместе с тем перечень исследований отдельных классов онома, в том числе и содержащих значимые выводы теоретического плана, мог бы занять не одну страницу. Надо полагать, и вопрос о наличии/отсутствии и характере лексического значения собственных имен решаем только по отношению к конкретным классам онома.

Попробуем рассмотреть эту проблему на материале антропонимов. Выбор обусловлен не только необходимостью выбрать какой-то один класс, но и следующими обстоятельствами: во-первых, из двух наиболее изученных классов – топонимов и антропони-

¹ Продуктивность именно таких семантических исследований в области топонимии блестяще доказаны А.К. Матвеевым в целом ряде его работ, начиная с новаторской основополагающей статьи 1969 г. – см.: *Матвеев А.К.* Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // *Этимология*, 1967. М., 1969. С. 192–200.

² См., например: *Голомидова М.В.* Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998; а также статьи Е.Л. Березович и И.С. Просвирниной в настоящем выпуске.

мов – последние явно в меньшей степени подвергались рассмотрению в плане выявления их семантики; во-вторых, как кажется, именно по отношению к антропонимам тезис об отсутствии лексического значения выглядит особенно весомо, что объясняется «классичностью» антропонимов как собственных имен, о чем говорит даже сам восходящий к античности определяющий термин – вопрос о «собственности» может стоять только в отношении к лицу, но не к любому другому объекту, и фактически *собственные* имена – это и есть *личные* имена. Античная концепция акцентировала противопоставление не столько общего индивидуальному, сколько ничьего – моему собственному. Именно это противопоставление и становится решающим при определении семантики человеческих имен.

Если идти по обычной схеме: сигнификат – денотат – коннотат¹, – определяющей в общем виде структуру лексического значения, очевидно отсутствие ярко выраженного сигнификата. Его существование на уровне семы «человек» может оцениваться аналогично категориальной семе апеллятива. Другими словами, сигнификат антропонима лишь относит его к определенному разряду онома, не более того. В русском языке формальные показатели добавляют к семе «человек» сему отнесения к определенному полу, но и это не абсолютно, ср. имена *Валя, Женя* и т.п., которые могут обозначать лиц как мужского, так и женского пола. Кроме того, создавая уменьшительно-ласкательные формы имен, мы вообще не пытаемся придать им формальную родовую определенность, ср. *Люлю, Люльчи, Люлёк* и т.п., где нет возможности вне контекста определить, мужчине или женщине имя принадлежит. Логически сигнификат личного имени вполне конструируем (одушевленность, признак пола и т.п.²), однако актуальность его практически равна нулю. Не случайно апеллятивные номинации вытесняют собственные, когда речь идет о незнакомом собеседнику человеке. «Я выхожу замуж. – Кто он? – Человек (инженер, студент, приезжий и т.п., но не Вася и не Иванов Петр Иванович, если спрашивающий не знает ни Васи, ни Петра Ивановича); «Кто там? – Слесарь (это из домоуправления, милиция и т.п., но не Вася и не Иванов Петр Иванович, коль скоро этот Вася или Иванов Петр Иванович не знакомы спрашивающему)» и т.п. На вопрос «кто (что) такой, -ая (такое) Иван, Татьяна, Мария и т.п.?» из десяти ответов восемь-девять связывают имя с конкретным человеком либо литературным героем, один-два ответа не связаны с людьми («Мария» – магазин, «Татьяна» – шампунь и т.п.) и практически никто не отвечает «человек» или «имя человека». Ср. привычные ответы на вопрос «что такое (кто такой) стакан, собака, студент и т.п.», когда мы опираемся на родовое слово, добавляя к нему дифференциаторы или не делая этого: «стакан – это посуда», «собака – домашнее животное», «студент – учащийся вуза» и т.п. Любой апеллятив отсылает к родовидовым отношениям, личное имя этого не делает, оно «ищет» конкретного носителя. Это качество выделяет его и из Среды прочих собственных имен: например, если в топонимии называемые топосы различны (река, гора, остров, поле и т.п.), то антропонимия монотонна, и эту монотонность не устраняют разновидности антропонимов (фамилии, личные имена, отчества и т.п.³), которые все вместе могут обозначать одного и того же человека фактически в один и тот же момент.

Внутри сферы «человек» имя также лишено обобщающих сем: оно в конечном счете не указывает на национальность («Его фамилия Вернер, но он русский...»), на соци-

¹ Эта схема используется, например, В.И. Супруном (см.: *Супрун В.И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград, 2000), а также получила оригинальную разработку в уже упомянутой книге М.В. Голомидовой.

² См. об этом, например: *Голомидова М.В.* Указ.соч. С. 19–20.

³ В дальнейшем в статье термин *личное имя* употребляется по отношению к любому индивидуально именованному человеку.

альное положение («звала Полиною Прасковью»), на возраст (у каждого есть полное имя, и каждого могут назвать именем уменьшительным), на черты характера (исключения – прозвища, но, как мы постараемся показать далее, это исключение лишь подтверждает общее правило). «Что имя? – звук пустой...».

С другой стороны, денотат антропонима максимально нагружен – имя имеет смысл, если оно соотнесено с реальным человеком («Но в час печали в тишине, произнеси его [имя], тоскуя. Скажи: есть память обо мне. Есть в мире *сердце*, где живу я»). Знать значение имени значит знать названного этим именем человека. Антропоним функционирующий всегда соотнесен с конкретно-чувственным представлением о его носителе. Если я говорю *Елена Львовна Березович*, *Елена Львовна*, *Лена*, *Леночка* и т.п., я всегда это соотношу с совершенно конкретным человеком, хорошо мне известным. Даже если я произнесла имя *Лена* и откликнулись все *Елены* данной аудитории, все равно имя от этого не потеряло своей конкретной семантической однозначности, просто имеет место непонимание в результате ономастической омонимии. Нередки ситуации, когда и имя, и человек (например, студент) известны, но не соотнесены друг с другом – тогда отсутствие знания об этой соотнесенности обуславливает семантическую пустоту имени. С другой стороны, если носитель имени лично мне незнаком, но известен социум, в котором этот носитель имени находится, то семантика имени, не имея образного компонента, содержит, тем не менее, набор денотативных признаков, достаточный для функционирования имени как такового. Проводя переключку в учебной группе, преподаватель не всегда заранее может идентифицировать носителей фамилий, но в любом случае уверен, что называет имена, общая семантика которых (при предполагаемой, но пока затемненной дальнейшей конкретизации) – «студенты данной группы данного факультета». Другими словами, частью денотативной семантики имени можно считать сему принадлежности к определенному социуму (но не социальному слою!). «Кто такой Иванов?» – [1. Я его знаю]: «Славный парень» (социум 1); «Хороший студент» (социум 2) «Такой черный, высокого роста» (социум N); [2. Я слышал, что есть такой / видел в списке его фамилию] «Студент 301 группы» (социум N); [3. Не знаю такого] «Неизвестно» (причем такой ответ звучит, несмотря на то, что фамилия *Иванов* – одна из наиболее распространенных и каждый из нас в своей жизни наверняка оказывается знакомым хоть с одним Ивановым – но ответ всегда определяет статус имени *Иванов* в рамках заданного социума). В квадратные скобки взяты формулировки возможных ситуаций: имя может представлять либо как имя известного лица, либо как часть *списка*, либо (в случае нереализованности одной из двух первых ситуаций) как пустой знак. Фактически «именной» является только ситуация 1, именно к ней стремится любая другая ситуация – история подпоручика Кижэ великолепно доказывает неотделимость имени от конкретной личности – если есть имя, то к нему должен быть прикреплен его носитель, т.е. должна существовать конкретная номинируемая именем единица, которая хоть что-то делает, хоть как-то выглядит и т.п., т.е. у имени не может не быть конкретного денотативного значения, и если его нет, то его нужно выдумать.

Естественно, что жесткая конкретность денотата заведомо определяет весьма узкий круг пользователей имени. Имя живет внутри социума и именно внутри него обладает значением. Не случайно можно «обладать именем», «сделать себе имя», т.е. ввести свое имя в широкий социум и тем самым закрепить за данным звукокомплексом свой собственный образ. В имени, «захватившем» широкий социум, все остальные возможные денотаты подавляются, и обычный человек по фамилии, например, Пушкин не раз испытает на себе печальные последствия этого факта. Тезоименность, обусловленная преце-

дентным характером именования людей в современном христианском мире, становится бичом социума, отсюда постоянно ведущаяся работа по уточнению и дополнению антропонимной единицы, возникновение двучленных, трехчленных и многочленных структур именования, которые позволяют имени сохранять свою индивидуализирующую специфику в рамках достаточно широкого круга общения. Личное имя – семейный социум, личное имя + патроним – социум более широкий (община, деревня), личное имя + патроним + родовое имя – социум еще более широкий (выход за пределы общины, город, страна). Взаимопереплетение социумов нередко сводит усилия этой стройной линии развития к нулю, и появление в рамках нового социума полных тезок заставляет идти на новые ухищрения: добавлять к уже и без того сложной структуре новые дополнения (*первый – второй; маленький – большой* и т.п.) или заменять существующие именования совершенно другими, уже не прецедентными, т.е. прозвищами. Прозвище не только имеет конкретный образный денотат, оно вбирает его в свою структуру, делает его своей внутренней формой, возвращая имени по сути его исходное содержание, когда *собственное* имя рассказывало о собственнике. Но в дальнейшем любое самое меткое и полно характеризующее лицо прозвище все же оказывается гораздо беднее своего значения, поскольку многообразие личности шире любого заявленного комплекса его параметров. Тогда *прозвище* вновь превращается в *имя*, оставаясь лишь знаком обозначения конкретного человека во всей до конца не познанной никем полноте его человеческих индивидуальных черт. Сигнификативная бессодержательность и денотативная насыщенность определяют природу имени – обозначать только того, кого оно обозначает, и больше ничего, быть *собственностью* обозначаемого, залогом его «в-себе-сущности».

Отсоциумность имени, с одной стороны, и множественность социумов, в которые включается человек за время своей жизни, с другой, определяют обязательность многочленной парадигмы именования одного и того же человека. Имя собственное становится не только собственным именем его носителя, но и собственным именем для того или иного социума, в котором человек вращается. Каждый социум смело экспериментирует с именами своих членов, создавая даже внутри себя длинные синонимические ряды именования каждого из них. Использование всего спектра традиционных моделей деминутивации (*Аня – Нюра – Нюта – Нюша – Анечка – Нюрка* и т.п.), варьирование формулы (имя – имя-отчество – отчество – фамилия – имя-фамилия – имя-отчество-фамилия), разнообразные проявления языковой игры, безудержное формальное экспериментирование с исходным материалом, прозвищные именования, как самостоятельные, так и восходящие к официальному имени, – все это вращается вокруг одного конкретного лица, создавая достаточно сложную и весьма пеструю персональную антропонимическую микросистему. По подсчетам автора статьи ее личный набор устойчивых антропонимических дублетов составляет более двадцати единиц (а ведь, кроме этого, есть номинации, о которых то или иное лицо, например преподаватель, просто не подозревает). В этой многоименности видится резонирующий эффект присвоения номинируемого номинатором – отдельной личностью или (чаще) определенным социумом: результатом становится собственное имя собственного «сосоциумника».

Внутрисоциумная семантика имени есть его семантика как имени собственного. Однако традиция присвоения христианского имени предполагает существование устойчивого списка имен, существующих оторванно от конкретных носителей антропонимии¹. Антропоним существует «вообще», вне конкретного денотата. Является ли он при этом именем собственным?

¹ Подобная ситуация отнюдь не универсальна для антропонимии (см.: Системы личных имен у народов мира. М., 1986) и фактически уникальна – у других разрядов имен собственных она отсутствует: хотя другие она могут повторяться, здесь все-таки речь идет не о выборе имени из списка, а о создании его заново по устойчивым моделям и в типических обстоятельствах, обеспечивающих большое количество совпадений.

Представляется, что нет, поскольку здесь отсутствует главное свойство имени собственного – способность индивидуализации. Только наполнение пустой оболочки антропонима конкретным денотативным содержанием превращает его в личное имя. Но патологическое существование списка антропонимов приводит к развитию фантомных значений, возникающих на основе либо квазиобобщений тезоименных денотатов, либо генерализации свойств носителя имени внесоциумного звучания. Эти фантомные значения нередко становятся основанием выбора имени из списка: «Вот и родился у нас сын. Назвала сама без тебя Александром – в честь Александра Македонского, Александра Суворова и других великих Александров», – пишет в 1941 г. из эвакуации молодая мать (между прочим, работавшая до войны в Пушкинском Доме в Ленинграде) мужа, так и не увидевшему первенца; «Сын?! Спасибо! Скажите жене – спасибо, что Юрку-космонавта мне родила!» – кричит в телефонную трубку дежурной медсестре счастливый отец 12 апреля 1962 г., в день, еще не ставший официально, но уже всеми воспринимаемый как День космонавтики. Однако став именем конкретного человека, «списочный» антропоним все равно приобретает реальное значение, содержанием которого является конкретное представление об определенном индивидууме.

С другой стороны, будучи названным вне социума, имя конкретного человека как бы возвращается обратно в «список», оценивается через отсылку к внесоциумному денотату или к денотату «своего» социума: «Как зовут, скажи», – требует нищенка, которой только что подали щедрую милостыню. И, услышав в ответ «Мария», восклицает: «О! Как Богородицу!»; «Тебя как зовут-то?» – «Маша». – «Хорошее имя. У меня матушку Марией звали». Подобные примеры, так же как и приведенные выше, наглядно демонстрируют пути наполнения «списочных» антропонимов фантомными смыслами, однако приобретаемая семантика не наполняет содержание собственного имени, а определяет его развитие в сторону апеллятива.

Наконец, обратимся к коннотативному компоненту имени. Здесь видятся вновь две ипостаси этой составляющей.

С одной стороны, личное имя всегда субъективно коннотативно окрашено, поскольку, как уже говорилось, существует не одно, а в длинном ряду собственных именованных. Выбор одного из множества всегда субъективен и поэтому всегда нагружен коннотацией, что, как правило, осознает называющий и тонко чувствует называемый: «Почему так официально?»; «Кому Петька, а кому Петр Иванович!»; «Я уже не маленький, не зовите Вы меня Васяткой». Нюансы обращения по имени прогнозируются до момента речи и анализируются после него. При оценке коннотации ведущую роль играет не сама форма имени, а традиции ее употребления в данном социуме: «Я не Лена!» – обиженно реагирует поименованная носительница имени, привыкшая считать нейтральным именованием форму *Ленка*; «Мама, скажи ему, чтобы не обзывался, он меня Ниночкой зовет!» – жалуется девочка, и мать реагирует: «Зови ее Ниной, видишь, она обижается». Естественно, такая парадоксальная реакция не частотна, но она хорошо подчеркивает отсоциумный характер коннотации личного имени. В связи с этим очень показательна также ситуация знакомства, когда одновременно устанавливается денотативная семантика имени и определяется коннотативно нейтральная форма его: «Александр Иванович. Можно просто Саша»; «Катя». – «А по отчеству?» – «Да на что отчество!»; «Мария». – «Маша? Маня? Маруся?» – «Просто Мария»; и т.п.

Существуют устойчивые коннотации, определяемые официальным узусом: коннотативно маркированы как обращения и именованья взрослого человека просто по имени, так и, например, название маленького ребенка по имени-отчеству; в литературной норме закреплена негативная

окраска именных форм с суффиксом *-к-* (*Танька, Васька*), как ласкательные воспринимаются деминутивы с суффиксами *-очк-, енък-* и т.п. Однако нормы эти нарушаются с гораздо большей легкостью, чем все остальные языковые нормы – норма социума оказывается гораздо сильнее, к тому же внутрисоциумный запас имен или их вариантов гораздо богаче того, что предлагает общий узус, поэтому просто не поддается нормированию.

Другая сторона коннотации имени связана вновь со «списком». Фантомные денотаты формируют и фантомные коннотаты, определяющие деление имен на «высокие» и «низкие»¹. Однако это уже вопрос не о семантике, а о культурной ауре антропонима.

Итак, постараемся подвести итог. Антропоним может быть двуликим: он существует сам по себе и как личное имя конкретного человека. Антропоним сам по себе не имеет реального значения – личное имя обладает отсоциумным денотатом и отсоциумным коннотатом. Антропоним сам по себе вбирает в себя культурные коннотации, за счет чего формируются фантомные лексические значения, превращающие его в промежуточную форму между онома и апеллятивом (*коннотоним*, по определению Е.Отина²). Личное имя варьирует в социуме, через многочисленные варианты и дублиеты стараясь наиболее полно реализовать денотативное и коннотативное наполнение семантики имени. Антропоним существует в языке, особенности его функционирования определяются языковыми законами. Личное имя существует в социолекте, и чем уже социум, тем ярче особенности функционирования имени. Семантика антропонима определяется общенародными культурными коннотациями. Семантика личного имени определяется закрепленностью его за конкретным членом социума.

И.В. Родионова

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ОТРАЖЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА НА УРОВНЕ ЯЗЫКОВЫХ ОНОМАСТИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ

В качестве одного из источников для реконструкции русской традиционной религиозно-мифологической картины мира могут привлекаться единицы языкового номинативного уровня – в частности, народные номинации, образованные от имен, принадлежащих персонажам библейско-христианской традиции. Информативность данных единиц в плане экспликации этнокультурной информации безусловна, однако при осуществлении соответствующих реконструкций следует учитывать специфику языкового уровня. Суть в том, что стоящее за номинативной единицей прецедентное содержание обуславливается не только факторами культурной традиции, но и факторами системно-языковыми.

В частности, весьма интересным образом данный тезис подтвердился при анализе единиц, созданных по модели *отыменной атрибутив + субстантив*, обозначающий:

¹ В этом вопросе нам остается только присоединиться к положениям статей О.Г. Сидоровой и В.И. Супруна в настоящем сборнике.

² См. об этом: *Отин Е.С.* Материалы к словарю собственных имен, употребляемых в переносном значении // Вопросы ономастики: Собственные имена в системе языка. Свердловск, 1980. С. 3.